

ИЗ ДЕРЕВНИ В ГОРОД

Г. ПАНДЖИКИДЗЕ. Для начала я предложил бы тезис, с которым едва ли станет полемизировать кто-либо из участников сегодняшнего разговора: рост городов несет с собой куда больше проблем, чем готовых решений. Так или иначе эти проблемы, сложные социальные и психологические процессы отражаются в литературе, в наших книгах, героями которых являются рабочие, служащие, представители научной или художественной интеллигенции.

Не секрет, например, что каждый крупный город сталкивается с дефицитом трудовых ресурсов, а отсюда — с миграцией сельского населения. Но если раньше этот процесс рассматривался с точки зрения ущерба деревне, теряющей рабочие руки, то теперь все явственнее просматривается и другой аспект: переполняющийся город. Пейзаж Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Таллина уже не представишь без афиш: «Сниму...», «Сдам...» попадает куда реже. Это проблема жилья. Не менее острые — транспорт, сфера обслуживания, проблема молодежи, престарелых. В разных городах те или иные сложности, конечно, проявляются по-разному, точно так же, как и по-разному отражаются в книгах, например, русских, эстонских или грузинских авторов.

А. ТАММ. Все это так. Но мы были бы необъективны, если бы не вспомнили, что с тех пор, как существуют города, люди сталкивались с проблемами городской жизни. Достаточно назвать имена таких, по современной терминологии, «городских» писателей, как Гюго, Бальзак, Диккенс, Достоевский, Горький... Эстонская литература, в свое время традиционная деревенская, не обошла темы превращения крестьянина в городского жителя, как мы это видим в последних томах эпопеи Таммсааре «Правда и справедливость», в произведениях Вильде, позднее — Хинта и других. Вопрос в том, что каждая эпоха ставит в связи с городом и горожанами свои проблемы. Соответственно и перед литературой стоит задача отражать их с максимальной точностью, глубиной и художественной убедительностью.

Э. ВЕТЕМАА. Конечно, мы не сможем сегодня даже очертить контуры всех тех вопросов, которые волнуют писателей, думающих о настоящем и будущем наших городов, о самочувствии людей, их населяющих, о своих потенциальных героях. Город таит и всегда таил в себе большую притягательную силу, прежде всего как

В многонациональной советской прозе, в частности грузинской и эстонской, в последние годы интенсивно развивается так называемая «городская» тема. Встретившиеся в Таллине эстонский писатель Энн ВЕТЕМАА, известный широкому читателю своими «маленькими» романами «Монумент», «Усталость», «Яйца по-китайски», и грузинский прозаик Гурам ПАНДЖИКИДЗЕ, автор книг «Год активного солнца», «Камень чистой воды» и других, черпают сюжеты многих своих произведений именно из городской жизни. При всем различии творческих манер, приемов разработки характеров, стилистики объединяет этих авторов горячая заинтересованность в перспективах развития темы города в прозе.

В их беседе принял участие эстонский критик Аксель ТАММ.

центр просвещения, культуры, духовного общения. Из деревни в город пришел Ломоносов, пришел Есенин, другие... Не так много найдется известных писателей, никогда не живших в городе, не питавшихся его духовными сокровищами. Беру на себя смелость полагать, что наши прославленные «деревенщики», прожив в городе и став хотя бы отчасти горожанами, более остро ощутили утраты прежнего, сельского образа жизни, его нравственных устоев.

Я обратил бы также внимание на психологические последствия «урбанистического образа жизни» (если пользоваться выражением нашего прозаика Леннарта Мери) в плане воздействия на личность.

А. Т. А постижение психологии горожанина для нашей прозы, до недавнего времени строившейся, если так можно выразиться, на деревенском материале, дело непростое. В чистом виде городская проза формируется у нас, как и в некоторых других республиках, где-то на рубеже 70-х годов. Ее поток оказался довольно мощным. Но того, что называется урбанистической радостью, урбанистическим восторгом, не было. Может быть, даже преобладало критическое начало. Для многих писателей главной стала тема человека в сложной городской среде. Они ясно увидели, что город воздействует на личность далеко не однозначно. Несмотря на массу бытовых удобств и преимуществ, близость к очагам культуры, не так-то уж легко, в прямом и переносном смысле, дышится горожанам.

Сейчас, мне кажется, писателей — горожан до мозга костей, не мыслящих своего существования вне города, становится все больше. Вот и герои рассказов и ро-

манов Яака Йыярюйта чувствуют себя в городе хорошо и привольно. Они наслаждаются городом, его дыханием, атмосферой.

Э. В. О проблемах города мы читаем в интересных повестях и романах тех русских прозаиков, которых принято называть «сорокалетними», хотя некоторые из них, по моему, уже несколько старше. Наша эстонская проза, некогда считавшаяся преимущественно «деревенской», за последние два десятилетия превратилась в преобладающую «городскую». Это и понятно, ибо писатели неминуемо пишут о том, что знают, описывают ту среду, в которой живут и общаются.

В своем роде интересна эволюция творчества эстонской поэтессы Вийви Луйк. Снискавшая себе славу как поэт природы, она с годами будто выросла корнями в город, стала видеть его привлекающие стороны и, верно, не мыслит жизни вне города, не утратив при этом любви к природе.

Г. П. Если говорить о грузинской литературе, у нас «чисто» городская тема — молодая. Город вошел в нашу прозу вместе с писателями моего поколения. Прежде литераторы рождались в деревне, а умирали в Тбилиси, но все их творчество корнями было связано с деревенской жизнью. Парадоксально, но факт: некоторые грузинские писатели старшего поколения живут в Тбилиси больше (по 30, 35, 40 лет), чем вообще возраст их молодых коллег. И все же они как будто не смогли приспособиться к городу, он не стал темой и героем их творчества. Может, это происходит оттого, что для писателя впечатления детства и юности слишком сильны и неодолимы?.. С другой стороны, множество существенных изменений происходит сегодня в грузинском селе, но писатели-горожане (я имею в виду тех, кто родился и вырос здесь) так и не обратили свой взор к нему. Может, и они питаются лишь детскими воспоминаниями или попросту не знают села?

Так или иначе, но проблема освоения «тематических регионов» писателями различных поколений существует в нашей прозе.

А. Т. Мне представляется, что особых опасений это вызывать не должно. Все естественно... Плохо другое — когда в прозе утверждается ложный стереотип: деревня, мол, это утверждение нравственных начал, жизнеутверждающих «корней», а вот город — сплошное их разрушение, безнравственность и беспамятство...

Куда более конструктивна иная постановка вопроса: что приобрели те, кто из селянина превратился в горожанина?..

Г. П. И все же в каждом, кто покидает деревню, есть что-то от Растинька. В города приезжают, чтобы их завоевать... А это, согласитесь, делает сердца жестче.

А. Т. Трудно сказать. Но исследовать психологический феномен такого героя чрезвычайно интересно. В этом отношении характерна повесть Мари Саат «Как быть с матерью?», в которой автор анализирует поведение членов бывшей сельской семьи,

их отношение к жизни, к отчуждению, к матери. Что-то не ладится у этих людей, что-то в них раздвоено, не уравновешено. Мари Саат не осуждает и не оправдывает своих героев, а пытается выявить причины.

Эстонской «городской» прозе часто ставится в упрек некая ее «лабораторность». Многие наши современные повести и романы основываются на определенной конструкции, модели жизни, в «лабораторных» условиях которой и разыгрываются авторы варианты развития сюжета и раскрываются характеры героев. Еще сравнительно недавно велись жаркие споры относительно художественной состоятельности и плодотворности такого «модельного» подхода. Помню, на одном из совещаний С. Залыгин заметил, что именно эта линия в современной эстонской прозе ему наиболее интересна.

Г. П. А помните, с какой живой, искренней заинтересованностью говорил об эстонской прозе наш покойный критик Гурам Асатиани, отмечая все упреки в «холодности», «сконструированности»? О какой «холодности», писал он, может идти речь в связи с «Актером» В. Вахинга или «Голым берегом» М. Унта, где все горит, жжет?.. И во многих других произведениях за внешней сдержанностью, что часто являлось лишь формальным приемом, он видел во многих произведениях метания духовные. Литературу бескомпромиссно точных, беспощадно правдивых констатаций.

Э. В. Мне кажется, к урбанизации нельзя относиться как к чему-то безусловно хорошему или безусловно плохому. Это процесс закономерный, неизбежный в развитии общественной жизни. Да и человек так создан, что нуждается в общении и устремляется туда, где людей побольше. Тут и встает вопрос о концентрации, ее разумной мере — такой, при которой людям легко дышится — в прямом и переносном смысле — и хорошо живется. Пример из мира природы. Если пчела упадет в комнату, как ее ни корми, ни пои, она все равно погибнет. Пчелам необходимо коллективное существование. Что касается человека, то и у него есть своя «критическая мера». Какая именно — точно неизвестно. Тут многое зависит от конкретных условий, традиций и так далее. Но то скопление народа, которое мы видим в больших городах, при сегодняшней организации их жизни, по моему, явно превышает оптимальное. Об этом свидетельствуют такие нежелательные явления, как одиночество, нарушение норм поведения.

А. Т. Одновременно и усталость от окружения, огромного количества людей на работе, в цехах, научных учреждениях, магазинах, на улицах и так далее. Не случайно, скажем, в повестях Ю. Трифонова, в произведениях других типично «городских» писателей людям тесно. Они будто наступают друг другу на ноги. Не приходится удивляться, если в нерабочее время горожанин жаждет покоя, частной жизни не на виду у других, того невмешательства извне, отсутствия которого нередко тяготит жителей поселков и маленьких городов, о чем, к примеру, неустanno пишет прозаик Тоомас Винт. Причины кризисных ситуаций, в которые его герои попадают, писатель видит, напротив, в застое, в «замшелости» городков. Все все про всех знают: уклад жизни, взгляды, правила поведения — все это нерушимо, раз и навсегда установлено... Молодому человеку вполне может быть душно в такой атмосфере.

Э. В. С другой стороны, в больших городах почти полная «анонимность» — не она ли приводит к безответственности (мало кто тебя знает), хулиганству (тебе некого стыдиться) и преступности (тебя нелегко уличить)?

Г. П. Когда у нас в деревне умирает человек, все носят по нему траур. А умирает человек в городе — соседи по дому часто даже не знают, кого хоронят... Люди в городе другие. Но не хуже, просто другие... У них другая этика. Кстати, о трагедии трудного взросления в город крестьянина писал В. Шукшин...

Мне кажется, просто неверно представлять город таким монстром, фатально подавляющим личность, деформирующим психику человека. Мне приходилось бывать в Нью-Йорке, Токио, Мехико, Лондоне: то, с чем сталкиваются эти мегаполисы капиталистического мира не сравнимо с проблемами наших городов. Соответственно и степень отрицательного воздействия города на человека нельзя сравнивать. Когда в некоторых наших книгах я читаю о городе как о зле, которое давит и убивает личность, мне всегда видятся в этом и какие-то заимствованные мотивы, и определенный схематизм. Конечно, и разобщенность, и одиночество, и стрессы имеют место. Но масштабы!..

А. Т. Только было бы наивно сводить беды и заботы наших городов к каким-нибудь отдельным причинам. Факторов, и которых складывается социальная жизнь города, образ жизни и психика горожанина, очень много. Специалистам они лучше известны.

Г. П. Я думаю все же, что отрицательно воздействует на человека не сама по себе городская среда, а плохо организованная городская среда. Для меня, скажем, очевидно, что город, как и каждый его район, должен иметь свое решение, свое лицо. Неповторим старейший Таллин. Сколько сил и средств тратят таллинцы, чтобы сохранить его таким, каков он есть... А вот попадаешь в новые районы — знаешь, я бы с уверенностью не сказал, что нахожусь именно в столице Эстонии.

А. Т. Дело не только в монотонности, стандартности архитектуры, хотя она, несомненно, играет свою роль. Так, главные персонажи романа Мати Унта «Осенний бал» — жители нового жилого района — утратили гармоничное ощущение мира, пресыщены всевозможной информацией и живут, следуя, скорее, своим представлениям о жизни, чем непосредственному восприятию действительности. Даже маленький Пэтер «перегружен» разными поучениями и правилами поведения. Его мать Лаура переживает сюжет телефильма сильнее событий собственной жизни. Идеи архитектора Маурера заимствованы из готовых схем. Мати Унт явно удручен, озадачен влиянием на людей стандартизации, избытком информации. Писатель смотрит на все это с некоторой дистанции: он экспонирует проблемы порой с гротескным, ироничным оттенком, но не дает готовых решений.

Э. В. Несколько иной пример. Тезт Каллас тоже обеспокоен разобщенностью, отчужденностью жителей города. В его последнем романе «Жажда» писателю видится идиллический выход: он приводит своих героев к единению через бытовую неурядицу. Роман заканчивается праздником общения людей.

Г. П. Мне хотелось бы затронуть один в известной мере больной вопрос, непосредственно связанный с темой нашего разговора. Кто в основном живет в городах? Прежде всего рабочие. А кто чаще всего оказывается героями наших «городских» книг? Представители науки, творческая интеллигенция... Рабочие — редко. Удачные книги о рабочем классе всегда можно было пересчитать по пальцам...

Э. В. Хороший роман о рабочей жизни под силу написать только тому, кто сам вышел из рабочей среды, кто проработал на производстве не один год.

Г. П. Конечно же, писатель должен досконально знать свой материал и своих героев. Иначе все будет фальшиво, неубедительно. Помню, в одном рассказе прочитал: «Вошел архитектор Гиви». И все. Больше ни одна фраза этого персонажа не напомнила о том, что он именно архитектор со своим, скажем, стилем и видением, особым отношением к окружающему. Автор просто-напросто не знал, не чувствовал всего, что связано с этой профессией.

И еще об одном хочется сказать. Когда писатель пишет о городе, он, конечно же, пишет не о «проблемах» — транспортных, бытовых, санитарно-гигиенических и проч.; писатель пишет о человеке, живущем в городе. Если удастся создать яркие характеры, если автор знает психологию горожанина, умеет нарисовать урбанистический пейзаж, проникнуть в суть взаимоотношений человека с той средой, которая его окружает, — вот тогда и рождается хорошая «городская» проза. Скажем, такая, как «Городской пейзаж» Г. Семенова или «Картина» Д. Гранина.

А. Т. Писатели стремятся нащупать, исследовать «проблемы» и проанализировать, проследить, как меняется образ жизни современного города, что хорошего и что плохого несет в себе урбанизация. Но, конечно, в первую очередь писателей волнует общественная среда — те изменения, которые происходят с человеком и в человеке.